

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАУЧНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЖУКОВСКИЙ
ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Выпуск 3

Сборник научных трудов

Издательство Томского университета
2017

В.С. Киселев

(Томский государственный университет)

**ПИСЬМА ЖУКОВСКОГО К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ 1850–1852 гг.:
ПУБЛИКАЦИЯ И КОММЕНТАРИЙ**

Переписка Жуковского с великим князем Александром Николаевичем, длившаяся 26 лет (с 1826 по 1852 г.) и включившая 150 выявленных на сегодняшний день писем, составляет значительную часть эпистолярного наследия поэта. Ее важность определяется и ключевой ролью в жизни Жуковского отношений с наследником престола и с другими царственными особами, и принципиальностью обсуждаемых тем: личных, творческих, общественно-исторических. Это тонко почувствовал П.А. Вяземский, подчеркнув в 1867 г. при публикации писем поэта к великому князю Константину Николаевичу: «<...> настоящие письма вносят новые сокровища в литературу нашу и новый свет в область нашего гражданского быта»¹.

В общении с цесаревичем Жуковский предстал в нескольких ипостасях, которые в истоках своих определялись отношениями наставника и воспитанника. 13 лет – с момента начала обучения в 1826 г. до завершения заграничного путешествия в 1839 г. – поэт стремился образовать ум и душу великого князя и как наследника престола, и как человека. Эта «царская педагогика» в ее эпистолярной форме строилась главным образом на доверительном общении, на заинтересованном вовлечении цесаревича в круг исторических, нравственно-философских и эстетических убеждений Жуковского².

¹ Письма В.А. Жуковского к Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу // РА. 1867. № 12. Стб. 1387.

² См. о ней: *Шмидт С.О.* Подвиг наставничества: В.А. Жуковский – наставник наследника российского престола // Русское подвижничество: сб. статей к 90-летию академика Д.С. Лихачева. М., 1996. С. 187–221; *Симинский П.М., Тебиев Б.К.* Образование для добродетели: педагогические взгляды и деятельность В.А. Жуковского. М., 2003; *Янушкевич А.С.* Письма В.А. Жуковского к царственным особам как феномен русской словесной культуры и общественной мысли // Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 2. Томск, 2013. С. 45–76; *Киселев В.С., Жиликова Э.М.* «План учения... наследника цесаревича

После того как образование Александра Николаевича закончилось и поэт покинул официальную должность, отношения учителя и ученика приобрели семейно-дружеский характер, осложненный, безусловно, особым статусом члена царствующей фамилии. В эти годы, особенно в период жизни Жуковского в Германии, поэт часто обращался к цесаревичу как к посреднику и ходатаю перед лицом императора и по личным вопросам, важнейшим из которых стало продление права пребывания за границей¹, и в плане обсуждения идеологически значимых тем, особенно в 1848–1852 гг., и в поисках поддержки творческих планов, художественных и публицистических. Письма этого периода самые развернутые и многочисленные (2/3 всего корпуса корреспонденции).

Тексты писем Жуковского к наследнику были предоставлены некой «царственной рукой» и впервые опубликованы П.И. Бартеневым в журнале «Русский архив» в 1883 г. (до 1847 г.) и в 1885 г. (1848–1850 гг.), где сопровождались краткими комментариями². В том же виде письма из этого собрания, с некоторыми исключениями, были перепечатаны П.А. Ефремовым в составе шестого тома Сочинений 1885 г. (до 1849 г.)³. Их общий корпус включал около 100 текстов. В процессе подготовки материалов для эпистолярных томов издания «Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т.» нами были найдены автографы практически всех опубликованных писем (за исключением четырех писем от июля 1833 г., 19 марта 1840 г., 17 февраля и 13 марта 1848 г.), большая часть которых хранится в собрании Зимнего дворца ГАРФ. Обнаруженные рукописи хранят на себе следы редакторской подготовки П.И. Бар-

Александра Николаевича» в контексте педагогического наследия В.А. Жуковского // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2014. № 6 (32). С. 125–136; Сидорова А.Н. Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности): дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 87–98.

¹ См. о перипетиях в отношениях с царствующей семьей по поводу нереализовавшихся планов возвращения Жуковского в Россию: *Лузаиров Т.* Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007. С. 98–102.

² *Русский архив*. 1883. № 1. С. 1–32; № 3. С. 33–56; № 4. С. 57–160; 1885. № 1. С. 7–19; № 2. С. 243–272; № 4. С. 526–540; № 7. С. 337–370.

³ *Жуковский В.А. Сочинения*: в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885. Т. 6. С. 375–599.

тенева, осуществлявшего разбор текста. Как выяснилось, письма публиковались с большими купюрами (в рукописи отмечены карандашными отчеркиваниями), в отдельных случаях превращавшими развернутый текст в короткую записку. Самому значительному сокращению подверглись фрагменты с описанием бытовых подробностей из жизни Жуковского и его многочисленных просьб к великому князю, однако были и пропуски, имеющие идеологический характер. Кроме того, многие письма остались неопубликованными (всего 40 автографов), в частности 15 писем за период от ноября 1850 г. до 1 января 1852 г.

Эти эпистолярные материалы вводят нас в круг проблем, заботивших Жуковского в последние годы жизни. Главной из них, безусловно, была необходимость возвращения в Россию и материального обеспечения семьи. На протяжении 1848–1849 гг., с начала революционных событий в Германии, Жуковские постоянно находились в переездах, требовавших в том числе финансовых затрат. В августе 1849 г. они наконец обосновались в Баден-Бадене, а вскоре, после поездки в Варшаву и личной встречи с великим князем, Жуковский получил разрешение на дальнейшее пребывание за границей. Тем не менее стремление вернуться на родину поэта не оставляло и в июне 1850 г. воплотилось в план переезда в Дерпт, обсуждавшийся в письмах к цесаревичу¹. Жуковский намеревался принять участие в праздновании двадцатипятилетия царствования Николая I, о времени и месте которых осведомлялся у наследника престола². Воплощению этого замысла помешала болезнь. В письме к Александру Николаевичу от 28 июля (9 августа) 1850 г. Жуковский сообщал:

Об этой болезни я говорил Вашему Высочеству в последнем письме моем: ее имя и отчество – *водяная в груди*. Избави Бог на

¹ См.: *Русский архив*. 1885. № 7. С. 351–364.

² «Если подлинно будет в Москве в т о р о й праздник царской коронации в Августе 1851-го, то я могу отложить мое возвращение в Россию до начала Июня 1851-го, ибо имею высочайшее позволение жить за границую бессрочно. Если, напротив, будет только о д и н в нынешнем Ноябре праздник двадцатипятилетия по вступлении на престол, то я поеду в нынешнем Июле. У меня все готово к отъезду» (*Русский архив*. 1885. № 7. С. 359–360).

старости лет от такого знакомства. Гугерт¹ весьма вовремя помог мне, но некоторые симптомы нередко возвращаются: надобно с Божией помощью загородить врагу дорогу; вернейшим к тому средством будет моя здешняя совершенно уединенная, бестревожная, занятая веселою и полезною работою жизнь (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 346 об.)².

Между тем в июне – июле 1851 г., дабы принять участие в торжествах по поводу юбилея коронации, поэт вновь собрался на родину, уведомляя цесаревича 8 (20) апреля:

В конце июня, по окончании курса лечения жены, я покину Баден, но не прямо поеду в Россию, а должен буду на весь июль отправиться в Остенду для морских ванн. Каждый день и в утренней и вечерней молитве моей прошу Бога, чтобы возвратил меня в отечество – будет ли на то Его святая воля? (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 359).

Необходимость постоянно откладывать переезд и объяснять ее причины тяготила Жуковского, внушая болезненные мысли о растущем отдалении от императорской семьи. Рассеять их помог визит великой княгини Марии Николаевны, прибывшей в Баден 1 (13) июля 1851 г., чему Жуковский посвятил стихотворение «Ея Императорскому Высочеству, государыне великой княгине Марии Николаевне, приветствие от русских, встретивших ее в Бадене». Несколько вечеров она провела в доме Жуковских (см. далее письмо от 30 июля (11 августа) – 10 (22) августа), и первоначально поэт планировал выехать в Россию вместе с ней. Однако вновь все замыслы разрушила болезнь: обострилось воспаление глаз, принудившее к многодневному домашнему заточению и осложнившее работу над педагогическими и творческими замыслами.

В этих условиях насущной заботой поэта стало обеспечение финансового будущего своей семьи, подорванного переездами и необходимостью выплаты очередных долгов. В сентябре-ноябре 1851 г. с

¹ Франц Антон Гугерт (Franz Anton Gugert, ум. 1864), врач, с 1829 г. практиковавший в Баден-Бадене, его услугами пользовались Жуковские с 1840-х гг.

² Этот фрагмент в тексте письма исключен П.И. Баргеновым из публикации.

помощью П.А. Плетнева и Р.Р. Родионова Жуковский составил проект выкупа казной тиража его последнего собрания сочинений (4000 экземпляров), вышедшего в свет в 1849 г. и продававшегося весьма медленно. П.А. Плетнев предложил включить сюда же и разошедшиеся экземпляры «Новых сочинений Василия Жуковского» с переводом «Одиссеи» (СПб., 1849. Т. 1–2). За них поэт планировал получить 33 000 рублей серебром, что в соединении с ежегодным пенсионом, который он в свое время заложил в казну до 1852 г., должно было составить достаточное обеспечение будущей жизни. С подачей проекта великому князю из-за поспешности П.А. Плетнева вышла небольшая путаница: письмо Жуковского с соответствующей просьбой пришло раньше, чем записка, поданная через третьи руки. Тем не менее ситуация быстро разрешилась, и уже 29 октября (10 ноября) прошение было удовлетворено, о чем через день сообщил тот же П.А. Плетнев:

Цесаревич, отдавая мне записку мою о ваших книгах и письмо ваше к Государю, сказал «Я уже успел доложить Его Величеству об этом деле, и Государь изъявил согласие на покупку книг. Поезжайте к князю Шихматову, расскажите ему все и от моего имени объявите, чтобы он приступил к исполнению»¹.

Оформление выкупа несколько затянулось по вине министра просвещения П.А. Ширинского-Шихматова, предложившего рассрочить его на несколько лет, что, ввиду опасений за будущее, не соответствовало желанию Жуковского. В итоге, однако, к 28 ноября (10 декабря) 1851 г. все произошло согласно намерениям поэта (см. далее соответствующее письмо к наследнику), сняв с его души тяжелое бремя.

В письмах 1850–1852 гг. Жуковский мало рассказывал цесаревичу о своих творческих планах, упомянув только начатый еще в 1849 г. перевод «Илиады», но постоянно говорил о педагогических замыслах. Хорошо известная великому князю воспитательная деятельность поэта нашла свое продолжение в 1840-е гг., в ходе занятий уже с собственными детьми, для которых он хотел разработать такой же полный и систематичный круг методик, переведя тем са-

¹ *Сочинения и переписка П.А. Плетнева*. СПб., 1885. Т. 3. С. 712.

мым элитарное образование на уровень общедоступного. О своем проекте Жуковский писал, в частности, А.П. Зонтаг 30 сентября (11 октября) 1850 г.:

Мой труд для моих детей <...> может со временем быть полезен и всем в домашнем воспитании; он обхватит систематически весь круг сведений, которые нужно иметь: мальчикам для вступления в гимназию, а девочкам для продолжения своего образования чтением и собственным занятием¹.

В этот курс, в частности, входило обучение чтению, письму и счету, методические материалы к которому были подготовлены и опробованы на дочери Александре, для него предназначались детские стихи собственного сочинения², планировалась первоначальная хрестоматия для чтения, элементарные сведения по истории и комплекс других пособий, так и не завершенных из-за болезни глаз, но занимавших основное время Жуковского в последние годы жизни³.

Творческую лабораторию Жуковского приоткрывает последнее письмо к цесаревичу, датированное 1 (13) января 1852 г. и посвященное декабрьскому перевороту во Франции. Его можно рассматривать как подготовительную рефлексию к работе над продолжением стихотворения «Четыре сына Франции», начатого в 1846 г., дописанного в 1849 г. и тогда же опубликованного в «Москвитянине»⁴. Последние 3 строфы его были закончены к марту 1852 г., и их историческая канва намечается в публикуемом письме, где Жуковский, продолжая размышления над ключевой для себя темой отношений самодержавной власти и народа, предугадывает возможные сценарии развития событий. Он приветствует подавление Наполеоном III «абсолютизма демократии», но предчувствует и вероятность

¹ Уткинский сборник: Письма В.А. Жуковского, М.А. Мойер и Е.А. Протасовой. М., 1904. С. 128.

² См. комментарий Э.М. Жиликовой (II, 736–738).

³ См. подробнее о методике Жуковского: Добровольская Е.Б. «Это педагогическая поэма». Жуковский – воспитатель своих детей // В.А. Жуковский и русская культура его времени. СПб., 2005. С. 187–195.

⁴ См. комментарий А.С. Янушкевича (II, 741–744) и его статью: Янушкевич А.С. В.А. Жуковский и Великая французская революция // Великая французская революция и русская литература. Л., 1990. С. 106–141.

восстановления императорского абсолютизма, питаемого честолюбием новоиспеченного властителя. В стихотворении эти два начала предстают как «несовместные актеры», которым невозможно прийти к согласию. В письме к наследнику с его подтекстом «царской педагогики» Жуковский говорит об альтернативе, о «самоотвержении власти», о «чистой монархии, охраняющей все неотъемлемые права свободы гражданской», но добровольно покоряющейся не «деспотизму партий», а логике истории и воплощенному в ней Божественному Промыслу. Подобное завершение двадцатилетней переписки с великим князем знаменательно: это письмо стало своеобразным политическим завещанием Жуковского, его последним уроком наследнику престола.

* * *

Тексты писем Жуковского печатаются по современным нормам орфографии и пунктуации с сохранением некоторых особенностей в написании топонимов и падежных окончаний. Редакторские конъектуры и предположительные датировки заключены в угловые скобки. Подчеркивания в рукописи переданы курсивом.

1

<Между 10 (22) ноября и 22 ноября (5 декабря) 1850 г.
Баден-Баден>

Сию минуту получил я из Минхена от Северина¹ листок «Инвалида», в котором напечатано письмо князя Воронцова к Его Императорскому Величеству²; оно вырвало из души моей слезы радости и умиления. Мне необходимо поделиться с Вашим Высочеством теми чувствами, которые теперь наполняют мое сердце. Поздравляю Вас и себя с тем, что Россия, знавшая до сих пор Вас благородным, добродушным, для всех доступным, любящим правду и правдивым, узнала Вас и неустрашимым. Конечно, в этом никто не имел права сомневаться, но радостно это узнать на деле. Хотя то дело, которое познакомило Вас с нами в этом отношении, само по себе не знаменитое, но личное мужество – везде мужество, и на поле Бородина, и в ущелье Кавказа перед винтовкою чеченца. В последнем случае оно

еще ярче выказывается. Правда, любя Вас и зная, что соединено для Отечества с утратою Вашей жизни, можно бы было попенять Вам, как могли Вы ее так отважить без нужды, но в этом случае я иначе понимаю Ваш поступок, я понимаю и всем сердцем оправдываю то чувство, которое его определило, – Наследник Русского Престола ввиду представившейся ему опасности подумал: я обязан и перед Государем, и перед Отечеством, и перед их храбрым войском дать за себя залог – вот к тому случай, он меня зовет, я должен ему откликнуться. И отважное дело, совершившееся вследствие этого вызова, было не просто удажество, поставившее Цесаревича на одну доску с рукопашным бойцом, который схватывается шашка на шашку с горным наездником. – Нет, я вижу в этой отважности смиренную покорность высшей Воле в одну из тех роковых минут жизни, когда надлежит не выбирать, а безусловно предаваться во власть мгновения, ниспосылаемого Промыслом. Благословен Бог, отведший от Вашей груди пулю чеченца, даровавший Вам такой простой случай довершить Ваше знакомство с Русским царством и храбрым его войском. Место в письме Воронцова, в котором он просит государя Императора порадовать Кавказскую армию дарованием Георгия своему наследнику³ за его первое дело храбрости, в рядах ее совершившееся, меня весьма тронуло. Этот крест останется веселым преданием на Кавказе, как между Вашими теперешними минутными сослуживцами, так и между их поздними преемниками. Государь с отеческою радостью даровал Вам крест, а булатный солдат Кавказа, любуясь Вами в деле отважном, конечно, сказал: ай, молодец! Этот солдатский Георгий есть прекрасная добавка к царскому. Правду сказать, у меня сердце было не на месте, когда я думал о Вашей поездке на Кавказ: предчувствие не обманулось; опасность ждала Вас на пути; и, конечно, искание этой опасности входило в план Вашего путешествия. Но Бог везде, и всегда совершается над нами только Его воля: здесь явно бодрствование Его Провидения. Да будет всегда над Вами Покров Его. – Прошу Вас порадовать меня уведомлением о Вашем благополучном прибытии в Петербург.

Моя жена и все мое семейство полагают к стопам Вашего Высочества их глубочайшее почтение.

Жуковский

На днях я получил известие о кончине Кавелина⁴. Еще одна добрая душа переселилась в иной мир. Я бы желал знать подробности его смерти.

Автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 355–356. Б.м и д.

Публикуется впервые. Первая фраза воспроизведена И.А. Бычковым, см.: *Бумаги В.А. Жуковского*, поступившие в Императорскую публичную библиотеку в 1884 г. // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 год. СПб., 1887. С. 145.

Датируется: между 10 (22) ноября и 22 ноября (5 декабря) 1850 г. (по дате номера «Русского инвалида» и ответного письма Д.П. Северину с упоминанием письма к великому князю).

¹ Дмитрий Петрович Северин (1791–1865), член «Арзамаса», русский посол в Баварии с 1837 г. См. ответное письмо Жуковского о присылке «Русского инвалида» от 22 ноября (5 декабря) 1850 г. (*Русская старина*. 1902. № 6. С. 518).

² Михаил Семенович Воронцов (1782–1856), герой 1812 г., в 1844–1854 гг. был наместником на Кавказе и главным организатором путешествия цесаревича. См.: *Ольшевский М.Я.* Цесаревич Александр Николаевич на Кавказе с 12 сентября по 28 октября 1850 г. // РС. 1884. Т. 43. Сентябрь. С. 576–588. Эпизод, о котором идет речь, случился 26 октября (7 ноября): «26-го октября Наследник отправился из Воздвиженской крепости в Аччай, в сопровождении наместника князя Воронцова и под прикрытием отряда, состоявшего из пехоты, нескольких сотен казаков с артиллерией, а также туземной милиции и толпы мирных чеченцев. По обыкновению его высочество ехал верхом с авангардом. Между реками Рошня и Валериком он заметил показавшуюся за левой цепью под Черными горами партию неприятеля и тотчас поскакал к ней, увлекая за собой всю свиту, генералов отряда и несколько казаков и туземцев. Чеченцы, выстрелив по нем, бросились бежать, но были преследуемы казаками и мирными чеченцами, а между тем конвой Наследника из линейных казаков и азиатов заехал им в тыл. В происшедшей схватке начальник партии, оруженосец намба Самбдулы, был убит; труп его остался в руках казаков, и оружие тут же поднесено Наследнику» (*Татищев С.С.* Александр II // *Русский биографический словарь* / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1896. Т. 1: Аарон – император Александр II. С. 448). Письмо-донесение М.С. Воронцова, о котором упоминает Жуковский, было опубликовано в № 247 газеты «Русский инвалид» за 10 ноября 1850 г.

³ М.С. Воронцов писал: «Умоляю ваше императорское величество не отказать мне в этом представлении. Крест св. Георгия 4-й степени будет не только справедливой наградой Государю Наследнику, но будет сочтен дра-

гоценной наградой для всего кавказского корпуса и будет с восторгом принят всеми здешними войсками» (Русский инвалид. 1850. № 247 от 10 ноября). Орден св. Георгия, учрежденный Екатериной II, был высшим военным орденом за боевые заслуги. По ходатайству М.С. Воронцова он был 10 (22) ноября пожалован императором наследнику престола, а 26 ноября (8 декабря) торжественно вручен цесаревичу, который, кроме того, был назначен шефом Эриванского карабинерного полка.

⁴ Александр Александрович Кавелин (1793–1850), герой 1812 г., один из воспитателей цесаревича, умер 4 (16) ноября 1850 г., в последние годы жизни страдал от психического заболевания.

2

12 (24) ноября 1850 г.
Баден-Баден

Надеюсь, что это письмо найдет уже Ваше Императорское Высочество в Петербурге¹. Пишу несколько строк, чтобы принести Вам наше усердное поздравление с совершением двадцатипятилетия царствования нашего благословенного Императора². Хотя я сам письменно поздравил с сим праздником и Государя и Государыню³, но прошу Ваше Высочество сделать мне милость выразить за меня словесно мое желание всех благ Их Величествам. Простите, что позволяю себе обременять Вас такою просьбою: Вы понимаете, как мне дорого, чтобы я не был забыт в такую важную для России минуту; кто же лучше Вас может обо мне напомнить, то есть *выразить*, что я сердцем и мыслию праздную вместе с моим отечеством тот день, который нам дал нашего Императора. – Приношу Вам сердечную благодарность за письмо, написанное по Вашему повелению Адлербергом⁴: милый знак, что и за Кавказом, посреди занятий многочисленных, Вы нашли минуты дружески обо мне вспомнить. Целую Вашу милую руку.

Жуковский
12 / 24 Ноября 1850.
Баден-Баден.

Автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 354.
Публикуется впервые.

¹ Речь идет о возвращении великого князя Александра Николаевича из поездки на Кавказ. Он прибыл в Царское Село 13 (25) ноября 1850 г.

² Двадцатипятилетие царствования императора Николая I, прошедшее 20 ноября (2 декабря) 1850 г. в Санкт-Петербурге, не отмечалось какими-либо публичными торжествами по его личному распоряжению.

³ См. письмо Жуковского к императрице Александре Федоровне от 12 (24) ноября 1850 г. (*Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя*. СПб., 1907. Вып. 1. Письма В.А. Жуковского к императору Николаю I и к императрице Александре Федоровне 1821–1852 гг.; Письма-дневники В.А. Жуковского 1814 и 1815 годов. С. 101–105; *Бычков И.А.* Бумаги В.А. Жуковского, поступившие в Императорскую публичную библиотеку в 1884 г. // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 год. СПб., 1887. С. 145).

⁴ Подразумевается граф Александр Владимирович Адлерберг (1818–1888), в чине полковника сопровождавший наследника цесаревича во время путешествия по Кавказу. Письмо, о котором идет речь, в настоящий момент не обнаружено.

3

1 (13) января 1851 г.

Баден-Баден

Приношу Вашему Императорскому Высочеству мое и всего моего семейства поздравление с наступившим новым годом; прошу Вас, по милостивому Вашему обыкновению стать при сем случае изъяснителем моих чувств перед Их Императорскими Величествами и перед Государынею Великою Княгинею¹. Чего я Вам вообще желаю, Вы это знаете; особенно же желаю только сохранения вполне физического здоровья; все доброе нравственное, то именно, что наиболее может быть желанно в жизни, само собою Вам дается, ибо Вы понимаете чистым Вашим сердцем и Вашей высокою, Богу покорною мыслью настоящее значение и достоинство жизни: на Вас сойдет благословение свыше.

Скажу несколько слов о себе: сам я здоров; жена вообще стала крепче, но с нервами ее далеко еще не слажено. Надеюсь, что к вес-

не она более поправится, то есть так, что я, наконец, буду в состоянии сорваться с Баденской цепи. Ее лечение продолжается и теперь непрерывно: по сию пору зимы у нас почти нет, только нынешний день термометр показывает 4 градуса холоду; до сих пор или тепло, или дождь. Это способствует лечению. Для семейства же моего нынешний год начинается замечательным образом: сестра моей жены выходит замуж². Это случилось столь неожиданным образом, что я позволяю себе рассказать Вам вкратце этот импровизированный судьбою роман. Полагая, что я (как то было совсем мною устроено) уеду прошлым летом в Россию³, мой тесть отправился всею семьей в Швейцарию, дабы там дописать с натуры начатые им в 1849 году картины, во время пребывания в Интерлакене⁴, куда и его и нас бросила баденская революция⁵. Но этот план его все не удался. Не было никакой возможности работать; дождь беспрестанно мешал тому; два раза наш живописец пытался воспользоваться минутным сиянием солнца; за это он заплатил простудою, которая принудила его бросить кисть. Между тем все прочие обстоятельства стали так странно стеснительны, что ему сделалась противна жизнь в Швейцарии (где сначала он думал провести всю зиму). Какой-то голос кричал ему в уши: *поезжай*; и этот голос тем был для него важнее, что моя поездка в Россию не состоялась. Он послушал понукающего его голоса, поехал – и что же? В самый тот день, в который он с одной стороны выехал по железной дороге в Баден, по той же дороге с противной стороны въехал туда же незнакомый ему человек, который через несколько дней потом сделался женихом его дочери. Это барон Вульф, лифляндский достаточный помещик, брат жены генерала Фредериха⁶, которая по болезни живет в Бадене: он приехал дня на два в Баден, чтобы повидаться с сестрою, нечаянно встретился в ее доме с моею невесткою, и теперь эта моя невестка сделалась его невестою. Таким образом обстоятельство, для меня печальное, заставившее меня отложить мою поездку в Россию, было одним из главных поводов, решивших моего тестя возвратиться в Баден, и теперь из этого (если на то воля Божия, которая здесь кажется очевидно) должно выйти семейное благо. Надеюсь, что этим кончится действие той чародейной силы, которая так давно меня держит прикованным на чужбине, и что нынешнюю весною я увижу себя и моих под хранительным отечественным кровом. Благодаря работе я не прихожу в уныние. Я теперь по горло погрузился в мои педагогиче-

ские труды; надеюсь, что, если Бог позволит кончить то, что начато, эти труды и отечеству могут быть со временем полезны⁷. Но того, что в моем плане, не успею я и в половину кончить: глаза, и руки, и ноги худо начинают служить. А я должен работать один; моего бывалого помощника Матвеева⁸ нет при мне, да, если не ошибаюсь, нет уже его и на свете. Не буду теперь затруднять Вашего внимания изложением подробностей моего педагогического плана; осмеливаюсь принести Вам просьбу о моем единственном помощнике в его исполнении. Кто он и о чем для него прошу, это я изложил в письме к В.Д. Олсуфьеву⁹, на которое прошу Ваше Высочество обратить милостивое внимание.

Молю Бога о сохранении Вашего драгоценного здоровья и благоденствии всего Вашего семейства.

Жуковский
1851 1 / 13 Генваря.
Баден-Баден.

Автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 357–358 об.
Публикуется впервые.

¹ Имеется в виду Мария Александровна (1824–1880), урожденная принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессенская и Прирейнская, великая княгиня, впоследствии императрица.

² Шарлотта (Лотта) фон Рейтерн (в замужестве фон Вульф, 1827–1904), младшая дочь Герхарда-Вильгельма (Евграфа Романовича) Рейтерна (Gerhardt Wilhelm von Reutern, 1794–1865), любимая свояченица и крестница Жуковского, 11 (23) января 1851 г. вступила в брак с лифляндским бароном Юлиусом Вольдемаром фон Вульфом (Julius Woldemar von Wulf, 1809–1872), владельцем поместья Адзель.

³ См. о планах возвращения: Гузаиров Т. Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007. С. 98–102.

⁴ Интерлакен – климатический курорт в кантоне Берн, между Тунским и Бриенцским озерами.

⁵ В мае – июле 1849 г. в Баден-Бадене развернулась вооруженная борьба между повстанцами, свергнувшими правительство Великого княжества Баден в пользу республики, и войсками Пруссии,

стремившимися подавить республиканцев. О пребывании Жуковского с семейством в Бадене и Интерлакене см. письма к великому князю за 1849 г. *Жуковский В.А.* Сочинения: в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885. Т. 6. С. 567–599.

⁶ Подразумевается Эмма Адольфовна Фредерикс (Emma Mathilde Helene Freedericksz, 1815–1852), урожд. фон Вульф (von Wulf), жена Бориса Андреевича Фредерикса (Фридерикса) 2-го (Bernhard Freedericksz, 1797–1874), финского дворянина, барона, генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, Санкт-Петербургского военного губернатора¹.

⁷ См. о педагогическом плане Жуковского в преамбуле к публикуемым письмам.

⁸ Матвеев – чиновник канцелярии великого князя, работавший под началом Семена Алексеевича Юрьевича (1798–1865). О Матвееве Жуковский упоминает, в частности, в письме к П.А. Вяземскому от 30 марта (11 апреля) 1840 г.: «Эти книги можешь отдать чиновнику Матвееву, который доставит тебе это письмо. Отыскать его в Зимнем дворце, в канцелярии великого князя наследника. Через него можешь адресовать и письма и даже посылки (только небольшие) на мое имя для пересылки в Баден» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 5084. Л. 120–121)².

⁹ Василий Дмитриевич Олсуфьев (1796–1858), граф, гофмаршал двора, приближенный великого князя Александра Николаевича. Письмо, о котором идет речь, в настоящий момент не обнаружено.

4

8 (20) апреля 1851 г.
Баден-Баден

Христос воскрес!

Приношу Вашему Императорскому Высочеству мое сердечное поздравление с великим праздником и прошу Вас по милостивому Вашему обыкновению благоволить принести его от меня Их Импе-

¹ За помощь в поисках информации об упомянутых персонах выражаю благодарность Н.Е. Никоновой.

² Приношу благодарность О.Б. Лебедевой за сообщение сведений о личности Матвеева.

раторским Величествам и Государыне Великой Княгине. Надеюсь, что это поздравление приходит от меня в последний раз из чужи. В конце июня, по окончании курса лечения жены, я покину Баден, но не прямо поеду в Россию, а должен буду на весь июль отправиться в Остенду¹ для морских ванн. Каждый день и в утренней и вечерней молитве моей прошу Бога, чтобы возвратил меня в отечество – будет ли на то Его святая воля? Будет то, что хочет Он, следовательно, лучшее. Последние годы, то есть последняя половина моего долгого отсутствия из России, была для меня богата испытаниями; они были для меня в то же время богаты и наставлениями – не скажу, чтобы они укрепили и усовершенствовали душу, это не так скоро дается, но они просветили ее и указали ей, в чем истинное благо, чего в ней нет и чего единственно ей искать должно. Мне уже под семьдесят лет, а я еще только за азбукою жизни; может быть, не буду еще уметь разбирать ее по складам, когда наступит час ее покинуть. Божие милосердие несказанно. Молю Его ниспослать еще десяток лет жизни, чтобы употребить ее на пользу моего семейства, а вместе с ним и моего отечества. Во все эти месяцы мои *педагогические* работы заняли все мое время – (с горем пополам я должен был отложить перевод «Илиады»²) – я уже сделал пробу над моей дочерью и уверен, что моя метода может быть весьма удобна для первоначального домашнего учения. Ее-то желал бы я так обработать, чтобы она могла быть употреблена не только мною для моих детей, но и в других семействах и даже в публичных заведениях. Мой труд в свое время будет представлен на рассмотрение Вашего Императорского Высочества. Дай только Бог мне возвратиться в отечество и основаться на постоянном месте.

Милостивое последнее письмо Вашего Высочества порадовало сильно мое сердце³. Вы послали мне драгоценное слово от Государя Императора. Но с этою радостью соединилось и печальное. Я писал к Государыне Императрице⁴: от нее не было никакого отзыва; я не имел и в мыслях получить от Ее Величества личный ответ; но Вы, мой добрый ангел, налицо, Вы бы могли повторить мне ее милостивое, ласковое слово. Я более многих знаю высокую природу ее души, знаю, как она неизменна, но я так давно пропадаю на чуже, что невольно приходит на сердце страх вовсе исчезнуть из той памяти, в которой мое место мне так несказанно дорого. Будьте милостивы, успокойте на этот счет мою тревогу, то есть скажите мне, что ее ми-

лость мне сохранена как в прежнее время, когда она была *налицо* (как теперь *заочно*).

Моя поэзия, мой светлый идеал?⁵

Простите. Благослови Вас Бог. Если найдете минуту свободную, порадуйте меня строчкою: давно уже не имел я этой радости, но сетовать не смею, Вы так несказанно заняты.

Моя жена приносит Вашему Высочеству и Государыне Великой Княгине усердное поздравление с Светлым Праздником.

Жуковский.

Баден-Баден.

8 / 20 Апреля 1851.

Автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 359–360.

Публикуется впервые.

¹ Остенде – город в бельгийской провинции западной Фландрии, знаменитый морскими купаниями.

² Перевод «Илиады» Жуковский начал 14 (26) октября 1849 г., вернувшись к замыслу в августе 1850 г. На протяжении 1851 г. поэт пробовал обрабатывать черновик перевода. См. подробнее: *Киселев В.С.* Из истории гомеровских переводов В.А. Жуковского: перевод I и II песней «Илиады» (1849–1851 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2009. № 4. С. 62–74.

³ Письма великого князя к Жуковскому до настоящего времени не обнаружены.

⁴ Подразумевается письмо Жуковского к императрице Александре Федоровне от 12 (24) ноября 1850 г. (*Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя.* СПб., 1907. Вып. 1. Письма В.А. Жуковского к императору Николаю I и к императрице Александре Федоровне 1821–1852 гг.; *Письма-дневники В.А. Жуковского 1814 и 1815 годов.* С. 101–105).

⁵ Измененная цитата из драматической поэмы Жуковского «Камознс»: «Моя любовь, мой светлый идеал?» (VII, 453).

17 (29) апреля 1851 г.

Баден-Баден

С благоговением и любовью приношу Вашему Императорскому Высочеству мое и моего семейства поздравление с днем Вашего рождения¹. Да будет над Вами постоянное высшее благословение: это моя ежедневная молитва. И если бы за исполнение этой молитвы надлежало мне принести в жертву собственное благо, я бы принес ее с радостным сердцем; прошу Вас этому верить, такая вера будет лучшим знаком Вашей милости.

Вместо подарка в этот день приношу Вашему Высочеству случай оказать благотворение. Представлю на благосклонное рассмотрение Ваше прилагаемые здесь бумаги. Одна из них есть записка о положении Сигварта Миллера, бывшего президента Швейцарской Диеты и Авойера Люцернского, жестоко пострадавшего от радикалов, опрокинувших зондербунд, и живущего теперь в крайней бедности в Страсбурге: она написана и подписана им самим; другая бумага есть свидетельство о Миллере Страсбургского Епископа, выписанное из партикулярного письма². Ко мне обратились с просьбою о доставлении Вашему Императорскому Высочеству записки Миллера. По совести, я <не могу> отклонить от себя исполнение этой просьбы, хотя и могу опасаться, что Вам не понравится мое вмешательство в дело, до меня не принадлежащее. Но так как в нем нет ничего политического, а есть одно чисто человеческое, то я и не мог позволить себе произвольно оттолкнуть страждущего от надежды на великодушие моего великого Императора и на его благодушного наследника.

17 Апреля 1851³.

Баден.

Жуковский

Автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 361.

Публикуется впервые.

¹ Великий князь Александр Николаевич родился 17 (29) апреля 1818 г. в Москве.

² Константин Зигварт-Мюллер (Constantin Siegwart-Müller; 1801–1869), председатель кантонального совета Люцерна, в 1844 г. выполнял обязанности президента Швейцарской Диеты «Tagsatzung», Ассамблеи делегатов кантонов, до 1848 г. законодательного и исполнительного органа Швейцарской Конфедерации. Был главой военного совета католических кантонов (Зондербунда), в 1840-е гг. ведших борьбу с протестантскими кантонами. В ходе вооруженного столкновения 24 ноября 1847 г. католический сепаратный союз потерпел поражение, что заставило Мюллера покинуть Швейцарию и перебраться в австрийскую Ломбардию, а затем в Инсбрук и Страсбург. Епископом Страсбурга в 1842–1887 гг. был Андреас Рес (Andreas Räß, 1794–1887). В ГАРФ находится написанное на французском языке письмо Зигварта-Мюллера к В.А. Жуковскому от 13 (25) апреля 1851 г. (Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 362–362 об.) и «экстракт» из письма епископа Страсбургского от 27 марта (7 апреля) 1851 г., также написанный по-французски (Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 363).

³ В РГАЛИ (Ф. 198. Оп. 3. № 2. Л. 1) находится сокращенный, очевидно черновой, вариант данного письма, датированный 18 (30) апреля 1851 г.:

Беру смелость представить на благосклонное рассмотрение Вашего Императорского Высочества прилагаемые здесь бумаги: одна из них есть записка о положении Сигварта Миллера, бывшего президента Швейцарской Диеты и Авойера Люцернского, жестоко пострадавшего от радикального швейцарского правительства и живущего теперь в Страсбурге в крайней бедности: она написана и подписана им самим; другая бумага есть свидетельство о Миллере Епископа Страсбургского, выписанная из партикулярного письма. Я видел здесь бедного Миллера; он сносит с достоинством свое бедствие и вполне заслуживает участия и уважения. Ко мне обратились с просьбою о доставлении записки его, здесь приложенной, Вашему Императорскому Высочеству. По совести, я не мог отречься ее исполнить, хотя и могу опасаться, что Вам не понравится мое вмешательство в дело, до меня не принадлежащее. Но так как в этом деле нет ничего политического, а есть одно чисто человеческое, то я и не мог позволить себе произвольно оттолкнуть надежду страждущего на великодушные моего великого Императора и его благодушного наследника.

Жуковский.

Баден Баден

1851 Апреля 18/30.

6

30 июля (11 августа) – 10 (22) августа 1851 г.
Баден-Баден

30 Июля / 11 Августа. Баден.

Тому четыре недели, как был решительно назначен день моего выезда из Бадена. Я дождался прибытия Государыни Великой Княгини Марии Николаевны¹, хотел пробыть при ней несколько дней в Бадене и потом отправиться в путь, давно желанный. Все это испортилось – новое доказательство, что в жизни ни на одну минуту будущего полагаться не можно. На другой день приезда Великой Княгини сделалось у меня воспаление в глазу – к счастью, в слепом, а не в зрячем. – Вот уже четыре недели, как я осужден на совершенное бездействие. Сижу с закрытыми глазами, меня утешают пивками, вантузами, шпанскими мухами, и не знаю, когда это кончится. Пишу Вашему Высочеству с закрытыми глазами, пользуясь машинкой, которую я сам уже давно выдумал на случай слепоты совершенной. Однако должен оставить карандаш и начать диктовать письмо мое: и машинка не помогает; хотя глаз не видит, но все смотрит и напрягается: от этого ему больно.

Пишу к Вашему Императорскому Высочеству для того, чтобы изъяснить Вам мое теперешнее положение. К счастью, у меня теперь есть живой свидетель: Великая Княгиня; она подтвердит Вашему Высочеству точность моего показания и никому не придет в голову сказать Вам, что я только ко всему придираюсь, чтобы отложить свою поездку в Россию. Придирка! Что может меня привлекать к этой чужой стороне, где я никакого другого предмета жизни не имею, кроме беспрестанного борения с болезнью, для которой, конечно, нужен климат здешний – но климат, нужный для болезни, не есть наслаждение, а грустная необходимость. Вот теперь внезапная глазная болезнь присоединяется к болезненному состоянию жены моей – доктор говорит, что подагрическая материя, соединенная с простудой, произведшей воспаление, бросилась на мой слепой глаз и им овладела; между тем время было прескверное, дожди беспрестанные, на днях было наводнение, иные говорят, и землетрясение. Все это мешает выздоровлению глаза, а до его совершенного исце-

ления нельзя тронуться с места, железная дорога для него гибельна, свет солнца его режет, воздух ему опасен. Что Вы скажете на это? Между тем на дворе уже 11-е августа, а я еще не могу определить времени моего выезда, срок его, во всяком случае, не может быть прежде 21-го н<ового> ст<илия>. Хорошо, если к этому сроку глаз будет совсем здоров, я тогда непременно выеду, но что, если выздоровление затянется на неопределенное время? Осень на дворе, и мне надобно будет жену перевезти вдруг в холодный климат без всякого промежутка, который мог бы ее постепенно к нему приготовить; да и собственно для меня тогда ничего другого не останется делать, как отложить поездку: глазами мне особенно дорожить надобно, один уже вовсе не видит, что, если совсем ослепну? Вот все, что я счел необходимым объяснить Вашему Высочеству; прибавлю к этому, что уже не могу надеяться приехать в Москву к 22-му августа. Я счел нужным обременить Ваше внимание этими подробностями, дабы заранее предупредить Вас насчет всего, что может со мною случиться. Если подлинно буду свободен для выезда к 21-му августа, то поеду во всяком случае; вот уже 4 недели, как у меня все уложено. В Дерпте для меня уже, вероятно, нанята квартира и нужнейшие мебели там куплены². Кажется, довольно признаков для убеждения в том, что я решительно еду, но что если глаз меня не пустит? Может ли быть испытание болезненнее и тяжелее? Я должен безропотно принять его и прошу Вас быть мне в этом добрым помощником, то есть, во-первых, пожалеть обо мне и, поняв тягость моего положения, принять его к сердцу; и, во-вторых, изъяснить мои обстоятельства перед Государем Императором так, как я их изъясняю в этом письме.

Вот и 21 августа прошло, а глаз мой еще вовсе не оправился. Вчера и нынче попробовал в первый раз после шестинедельного заключения в горнице выйти; погода прекрасная, но солнце режет глаз, как ножом. Теперь посмотрю, что будет к первому сентября и в конце первой недели сентября. Если принужден буду остаться, опять начнутся против меня толки – что нужды! Лишь бы во мнении Вашем и Государя Императора они мне не повредили. Прошу Вас быть моим заступником перед ним и перед собою. – 16 августа н<ового> с<тиля>. Великая Княгиня Мария Николаевна покинула Баден. Мне только раз удалось быть у Ее Высочества: моя болезнь все расстроила. Зато она провела у нас три вечера. Раз одна, глаз на глаз с моей

семьею; в другой раз накануне своего тезоименитства³, чтобы провести, как она сказала о том, вечер *с своими* – что может быть трогательнее! Третий вечер провела она у нас накануне своего отъезда. Как мне ее присутствие напомнило прошлое время! Как ее лицо и всякое движение напоминают Государя. Как милы дети, особливо Евгения⁴. Мне от них остались самые сладкие воспоминания. – 19 прибыл сюда король⁵, провел здесь 20 и вчера (21) уехал. Узнав, что я в Бадене, больной, он благоволил навестить меня и пробыл у меня $\frac{3}{4}$ часа. – Между прочим, как трогательно говорил о Государе и о своем с ним свидании. Но я должен кончить: глаз крепко о себе напоминает. Если Ваше Высочество захотите оказать мне знак большой милости, то отвечайте в двух строках на это письмо, адресуясь в Баден: если оно там не найдет меня, тем лучше! А если, к несчастью, найдет, то будет большим для меня утешением. Благослови Вас Бог! Приношу Вам мое усердное поздравление с юбилеем коронации⁶.

Жуковский.

10 / 22 Августа.

Автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 364–368 об. Л. 364–364 об. – рукой Жуковского, карандашом, л. 365–366 об. – рукой камердинера, л. 367–368 об. – рукой Жуковского. Б.м. и г.

Публикуется впервые.

Датируется: 30 июля (11 августа) – 10 (22) августа 1851 г.

¹ Мария Николаевна (1819–1876), великая княжна, старшая из дочерей Николая I и Александры Федоровны, прибыла в Баден 1 (13) июля 1851 г. Ее прибытию Жуковский посвятил стихотворение «Ея Императорскому Высочеству, государыне великой княгине Марии Николаевне, приветствие от русских, встретивших ее в Бадене» (см. комментарий к нему А.С. Янушкевича: II, 735–736).

² Пребывание в Дерпте было спланировано еще в 1848 г., когда Жуковский деятельно готовился к возвращению в Россию. Ср. в письме к великому князю от 3 (15) августа 1848 г.: «Я хотел ехать, чтобы 8 (20) августа сесть на пароход в Штетине и перевезти жену чрез Ригу в Вальк (близ Дерпта), где находятся родные и где для нас был должен быть уже приготовлен дом» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 228 об.). Планы возобновились в июне 1850 г. (см. об-

щую преамбулу к публикуемым письмам). Арендой и обустройством дома в Дерпте занимался, по поручению Жуковского, его давний друг и впоследствии биограф Карл Карлович Зейдлиц (Karl Johann von Seidlitz, 1798–1885), см. их переписку за 1848–1852 гг.: Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и его немецкие друзья: новые факты из истории российско-германского межкультурного взаимодействия первой половины XIX в. Томск, 2012. С. 58–90.

³ Тезоименитство великой княжны Марии Николаевны праздновалось 22 июля (3 августа).

⁴ Евгения Максимилиановна (1845–1925), княжна Романовская, четвертый ребенок от брака великой княжны Марии Николаевны с Максимилианом Лейхтенбергским (1817–1852).

⁵ Фридрих-Вильгельм IV (1795–1861), король Пруссии с 1840 г., друг и адресат многих писем Жуковского. Далее речь идет о встрече короля с российским императором Николаем I, состоявшейся по приглашению последнего в мае 1851 г. в Скерневицах близ Варшавы.

⁶ Имеется в виду двадцатипятилетие со дня коронации императора Николая I 22 августа (3 сентября) 1826 г.

7

20 августа (1 сентября) 1851 г.
Баден-Баден

Приношу Вашему Императорскому Высочеству мое усердное поздравление с днем Вашего тезоименитства¹. Я надеялся поздравить Вас лично, но было мне суждено иное. Как мне это грустно, сказать не имею – грустно во всех отношениях. Но должно принять без ропота то, что с нами не по нашей воле творится.

Я положил крайним сроком моему отсюда выезду 1 сентября н<ового> с<тиля>, потом еще одну неделю. Вот и первое сентября, а мне еще нельзя и думать об отъезде. С 16 июля по сие время я только три раза выходил на воздух: стояла во все это время прекраснейшая погода, я ею не мог воспользоваться. Теперь переменялось, кажется, что осень хочет установиться рано: сырость и холод. Я консультировался (так!) у Хелиуса². Через неделю опять призову его, и он вместе с Гугертом³ решат, пускаться ли мне в путь или нет. Перспектива печальная! Если останусь теперь, то уже мне и того утеше-

ния не будет, чтобы иметь постоянную работу, как в прошедшую зиму. Надобно будет для сбережения глаз осудить себя на бездействие. Я много наработал в прошлую зиму, и если бы эта работа была кончена, она была бы полезна Вашему, моему и всякому русскому семейству: горько мне будет не иметь возможности вновь за нее приняться или оставить ее недоконченною⁴. Об этом после. Теперь должен кончить. Через неделю решится, что со мною быть должно. Простите. Благослови Вас Бог.

Жуковский

1851. 1 Сент<ября> н<ового> с<тиля>

Баден.

Автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 369–370 об. Написано карандашом с помощью специальной машинки.

Публикуется впервые.

¹ Тезоименитство великого князя праздновалось 30 августа (10 сентября).

² Максимилиан Йозеф фон Келиус (Maximilian Joseph von Chelius, 1794–1876), профессор Гейдельбергского университета, специализировался в области офтальмологической хирургии.

³ Франц Антон Гугерт (Franz Anton Gugert, ум. 1864), врач, с 1829 г. практиковавший в Баден-Бадене, его услугами пользовались Жуковские с 1840-х гг. См. о нем: *Русский архив*. 1897. Кн. 1. № 1. С. 75.

⁴ Подразумевается педагогическая программа Жуковского.

8

3 (15) сентября 1851 г.

Баден-Баден

Вот и 1 сентября прошло; а мой глаз весьма мало подвинулся вперед. Представляю при сем Вашему Императорскому Высочеству мнение Хелиуса и Гугерта: я на всю зиму прикован к Бадену, который начинает пустеть и через месяц так опустеет, что у меня ровно никого знакомых здесь не останется. Это бы ничего, лишь бы только было сколько-нибудь возможно заниматься. Я пытаюсь найти для этого средства. Не думаю, однако, чтобы мне было возможно за-

няться тою работою, которая взяла всю прошлую мою зиму – педагогическою работою для Ваших и моих детей. Я много наработал и наработал бы втрое, когда бы у меня под рукою был мой Матвеев или ему подобный. О плане моего педагогического курса говорить здесь не буду – он весьма обширен, и если Бог даст жизни, чтобы его исполнить, я оставлю о себе отечеству добрый памятник; на своей дочери я уже испытал, что метода моя во всех отношениях может быть весьма практическою. Счастлив буду, если моя болезнь не помешает мне нынешнею зимою заняться исполнением этого дела.

Ваше Императорское Высочество можете много тому способствовать, успокоив мои тревоги насчет моего нового замедления возвратиться. Тут было *непобедимое* препятствие. Никому не будет никакой пользы, если я ослепну. А моя болезнь и с нею поездка осенью к зиме в гости привела бы меня к тому – полагаю, что Ваше Высочество не только не будете мне пенять, что я остался, но еще меня одобрите. Но мне это необходимо от Вас *слышать* – итак, благоволите написать мне строчку и будьте моим предстателем перед Государем Императором, которому представьте свидетельство докторов.

Благослови Бог Вас и все Ваше семейство.

Жуковский

3 / 15 Сентября 1851.

Баден.

Автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 371–372 об. Написано карандашом с помощью специальной машинки.

Публикуется впервые.

9

8 (20) сентября 1851 г.

Баден-Баден

Давно я не был ничем так обрадован, как последним письмом Вашего Императорского Высочества. Ваше молчание на мое письмо начинало крепко меня тревожить – хотя, впрочем, и не было молчания: Вы очень скоро мне отвечали. Но препятствие, остановившее так неожиданно отъезд мой, было для меня слишком печально и на-

вело на меня хандру. Отзыв от Вас был для меня необходимым лекарством, наконец желанное лекарство пришло, принято с жадностью, и болезни следа не осталось; ее место заступило веселое, спокойное довольство. Благодарю Ваше Высочество от глубины души. Но я говорю только о моральном исцелении, физическое (как то свидетельствует Вам моя карандашная каллиграфия), еще не совершилось: думаю, что глазной мой недуг продолжится всю зиму. Горько, а нечего делать. Я еще все не выхожу со двора. Главные враги мои – солнце и холодный сырой воздух, и так чем далее в зиму, тем будет хуже; наш снег прибавил бы к этой беде сто процентов. – Сверх радости, которую мне принесло Ваше письмо, я имел другую, столь же для меня сладкую: знак милости моего Государя. Поздравляю Его Величество с 25-летием его коронавания¹. Я осмелился положить к стопам его мою просьбу о всемилостивейшем позволении мне внести в фамильный герб мои слова: *Боже! Царя храни*¹. Я уже получил официальное уведомление о даровании мне этой царской милости. Внимание, которое угодно было Государю Императору мне оказать, несказанно меня тронуло. Благоволите быть моим представителем в этом случае и положите к стопам Его Величества мою благоговейную благодарность. «Боже! Царя храни» заключает в себе итог моих политических убеждений и перейдет как завещание к моему потомству, если Бог судил мне иметь потомство. – Но простите, более писать больно. Да будет над Вами благословение Божие.

20 Сентября 1851.

Баден-Баден.

Жуковский.

Автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 374–375 об. Написано карандашом с помощью специальной машинки.

Публикуется впервые.

¹ Император Николай I был коронован 22 августа (3 сентября) 1826 г.

² Слова из стихотворения Жуковского «Молитва русского народа», ставшего в 1833 г. государственным гимном.

10

<Между 1 (13) и 12 (24) октября 1851 г.
Баден-Баден>

Ваше Императорское Высочество должны были получить записку от П.А. Плетнева¹ о деле, касающемся до меня, – эту записку составил П.А. Плетнев сам по моему предположению, которое я ему сообщил, дабы узнать от него, может ли мое желание быть исполнено и могу ли я о том обратиться к Вашему благосклонному покровительству. Я хотел, чтобы Плетнев только *сказал* мне свое мнение, и потом думал сам представить Вашему Высочеству записку мою и мою просьбу на имя Его Величества Государя Императора. Но Плетнев, найдя, что мое желание может не быть отвергнуто, поспешил, по дружбе ко мне, обратиться на него Ваше внимание. Он пишет ко мне, что записка сделана им, что, не имея возможности скоро увидеть Ваше Высочество, он решился передать свою бумагу Вам через графиню Толстую, с которою случайно встретился у гр<афа> Блудова². Все это пишу к Вам для того, чтобы Вы не подумали, что я в моих к Вам отношениях употребляю какие-нибудь зигзаги: я представил бы записку мою сам прямо в Ваши руки. Но не могу не благодарить Плетнева, который не хотел откладывать дела, мне полезного, и взял на себя все об нем хлопоты.

Итак, записка моя в руках Вашего Высочества. Мне самому ее составлять не нужно, чем я и рад. Но я обязан объяснить Вашему Высочеству причину, понудившую меня прибегнуть к просьбе такого рода. Первое: я *стою на краю расстройств* всей моей бедной фортуны, которая состояла до сих пор в небольшом капитале, достаточном для человека одинокого, но весьма посредственном для семейного человека: этот капитал от жизни заграничной, которой три четверти были посвящены на переезды из одного места в другое, на лечение жены, на дорогую жизнь в трактирах – хотя, впрочем, я вел самый отшельнический образ жизни – этот капитал (по уплате долгов, в которые обстоятельства ввели меня) обратился в ничто или почти в ничто. Если бы я имел какое-нибудь недвижимое имение, то, заложив его в казну, я как бы нибудь обернулся, но во всей моей жизни мне никогда не случилось быть обладателем душ христианских, у меня всего на все были собственностью две пары душ: два

Максима, один портной, другой повар, и дело замечательное! Оба женаты были на Аксиньях. Портной получил от меня свободу³, а повар спокойно под защитою патриархального рабства спился и перешел в иной мир в чаду похмелья. Простите мне этот буффонский эпизод: я хотел сказать, что, не имея казенных душ для представления в залог, я имею подданных особенного рода: они все мои дети, и я теперь собрал их на переключку в числе четырех тысяч экземпляров; сказать просто: я напечатал 4000 экземпляров полного издания моих сочинений⁴. Это издание посвящено Вашему Высочеству, когда я написал мое посвящение, я не думал, что мне придется просить и Вашего покровительства этому изданию; теперь это сделалось необходимым от обстоятельств. Я возвращаюсь в Россию и вместо того, чтобы иметь там устроенный угол для своей семьи, приеду туда с долгами на шее и с утраченным капиталом. Этот утраченный капитал может вполне возобновиться продажею моих 4000 экземпляров, но эта продажа пойдет весьма медленно, и я, получая мои деньги по маленьким участкам, не увижу, как они проскользнут между пальцев, и тогда опять мой капитал разлетится дымом. При этом надобно заметить, что мне стукнет через год семьдесят лет: после такого набатного звона нельзя уже считать годами, а днями. Если мое издание не продается при мне, то я оставлю его на руках жены моей со всеми неприятными сношениями с книгопродавцами, которые великие мастера притеснять и великие неохотники платить. Вот все, что побудило меня обратиться к Вам с просьбою исходатайствовать мне у Государя милость покупки в казну моего последнего издания сочинений моих: 4000 экземпляров по десяти рублей серебром экземпляр представляют капитал 40.000 серебром. Я уступаю казне двадцать процентов и прошу выдать мне только 32.000 серебром. Было бы для меня выгоднее, если бы выдача эта была произведена разом; но я готов согласиться рассрочить уплату на такие сроки, какие найдены будут нужными. Мне нужны не деньги, а *обеспечение* моего капитала. Я хочу *теперь* иметь нечто *верное*, что после моей смерти достанется детям моим, хочу себя и их после моей смерти избавить от самовластия книгопродавцев, одним словом, хочу *оставить им маленькое достояние*, которое будет результатами трудов литературных всей моей жизни. Казна, упрочив мне мой капитал, ничего не потеряет, экземпляры в течение времени распродадутся все, и уплаченный мне капитал возвратится весь в казну: про-

даже будет верна, ибо книгопродавцы не могут делать того с казною, что беспрестанно делают с людьми частными. Мне не будет сделано никакого *дара*, но сделано будет великое, благодетельное *пособие*, материальное и нравственное – *материальное* потому, что я выведен буду из настоящего финансового затруднения; *нравственное* потому, что будут успокоены мои мысли насчет будущего семьи моей: я буду *знать*, что после меня ей останется верный капитал, составленный трудами отца ее и сохраненный ей милостию его царя и покровительством царева наследника. Все это я счел нужным подробно написать Вашему Высочеству, дабы Вы увидели, что я *не о деньгах* забочусь, а что мне нужен *покой душевный* насчет всего, что мне на свете мило. Благоволите изъяснить все это всемилостивейшему Государю Императору. Его отеческое сердце поймет мои тревоги.

Жуковский.

Автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 376–381 об. Написано карандашом с помощью специальной машинки. Б.м. и г.

Публикуется впервые.

Датируется: между 1 (13) и 12 (24) октября 1851 г. (по дате письма Плетнева к Жуковскому о подаче записки на имя наследника престола и ответному письму Жуковского с упоминанием отправленного письма к великому князю).

¹ Петр Александрович Плетнев (1792–1866), поэт, критик, ректор Санкт-Петербургского университета и учитель литературы великого князя, регулярно выступал в 1840 – начале 1850-х гг. поверенным Жуковского в литературно-издательских делах, в том числе ходатаем перед царственными особами.

² См. письмо Плетнева к Жуковскому от 1 (13) октября 1851 г. с описанием обстоятельств сочинения и подачи записки к великому князю: *Сочинения и переписка П.А. Плетнева*. СПб., 1885. Т. 3. С. 702–706. Ответное письмо Жуковского от 12 (24) октября 1851 г. см. там же (С. 708–710). Графиня Толстая – Александра Андреевна Толстая (1817–1904), фрейлина великой княгини Марии Николаевны, двоюродная тетя Л.Н. Толстого. Граф Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864), член «Арзамаса», в то время был главноуправляющим Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, занимавшимся кодификацией законодательства.

³ Своего слугу Максима Жуковский отпустил в конце 1817 г., о

чем сообщал А.П. Елагиной: «Я отпустил Максима, который будет жить в Белеве у своей сестры, получая от меня по десяти рублей в месяц. Посылаю деньги на полгода. <...> Максима же прошу вас не оставлять в нужде, а без нужды не балуйте его. Пусть живет своим трудом. От меня имеет помощь» (*Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной: 1813–1852 / сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э.М. Жиляковой. М., 2009. С. 200*). В конце 1822–1823 г., занимаясь оформлением вольных для всех своих крестьян, он узаконил это официально (см. переписку с А.П. Елагиной. С. 248–250 и далее).

⁴ «Стихотворения Василия Жуковского» были напечатаны в 9 томах в 1849 г. в Санкт-Петербурге с посвящением в первом томе «Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу Великому Князю Александру Николаевичу»: «Ваше Императорское Высочество благоволили позволить мне украсить Вашим Августейшим Именем это полное, может быть, последнее при мне выходящее в свет издание моих сочинений. Примите милостиво мое приношение в память многих, лучших лет моей жизни, с любовью Вам посвященной, теперь устарелой, но все еще свежей теми чувствами, которые здесь сохранятся для Вас в душе моей до гроба и с нею останутся неразлучными вечно. Апреля 17 дня 1849 г. В. Жуковский» (без пагинации).

11

<Около 13 (25) октября 1851 г.
Баден-Баден>

Вашему Императорскому Высочеству будут представлены четыре экземпляра моего издания¹. Один принадлежит Вам, а другие осмеливаюсь просить Вас как восприемника этого издания благоволить поднести моим именем Государю Императору, Государыне Императрице и Государыне Цесаревне. – Из моего карандашного почерка Вы можете заключить, что моя глазная болезнь упрямо продолжается. Думаю, что она продолжится во всю зиму, что меня весьма печалит, как мне не будет возможно заняться порядочно никаким делом. Иногда находит на меня страх, что дело кончится слепотою совершенною, и этот страх, может быть неосновательный, еще более заставляет меня желать, чтобы мои экземпляры сошли с моих рук, пока я еще живу и вижу. Будь воля Божия! Что бы ни слу-

чилось, с испытанием дает Он и терпение и силу спокойно покоряться Его воле.

Автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 382–382 об. Написано карандашом с помощью специальной машинки. Без подписи. Б. м. и г.

Публикуется впервые.

Датируется: около 13 (25) октября 1851 г. (по дате письма к Р.Р. Родионову с указаниями о доставлении подарочных экземпляров, см.: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 132. Л. 17–17 об.).

¹ Подразумеваются «Стихотворения Василия Жуковского» с посвящением великому князю.

12

28 октября (9 ноября) 1851 г.
Баден-Баден

Из письма, полученного мною от Плетнева¹, я вижу, что в деле, о котором я просил Ваше Императорское Высочество, произошла великая путаница: Вы получили мое письмо, в котором говорится о записке, поданной Плетневым графине Толстой для вручения Вашему Императорскому Высочеству, а записка, которая должна была объяснить мое письмо, еще не дошла до Вас. Благоволите ее вытребовать от гр. Толстой. Я никого не хотел вмешивать в это дело: послал Плетневу только проект записки для того, чтобы он составил ее, зная лучше меня, что казна может и чего не может; такую записку я хотел от себя прямо Вам представить на рассмотрение – вышла путаница. Прошу Вас не ставить ее мне <в упрек> и не отказать в ходатайстве по моей просьбе. Для меня будет несказанно больно, если Вы эту просьбу изъясните невыгодным для меня образом и напишете ее корыстолюбиво. Я никогда не бывал корыстолюбивым, а в настоящем случае прошу не подарка, а просто помощи выйти из затруднительного положения, которое тревожит меня не за себя лично, а за мое семейство. – Вопрос: в чем состоят эти затруднительные обстоятельства? Вот в чем: заграничная жизнь меня расстроила, почти уничтожила весь мой капитал и ввела меня в долг.

Между тем я должен при возвращении в Россию начинать свою домашнюю жизнь с фундамента. При таких обстоятельствах я должен буду еще более расстроить свою бедную фортуна, которую устраивать я разумею гораздо менее, нежели гомеровы экзаметры. – Чтобы несколько поправить эту беду, я имею средства: мой *истоцившийся* капитал может быть возобновлен *продажею* четырех тысяч экземпляров моих сочинений, которые по назначенной цене за экземпляр представляют 40.000 рублей серебром. Но эти экземпляры продадутся не менее как через шесть или восемь лет: надо иметь неусыпное попечение о продаже; деньги будут получаться маленькими суммами и оттого невидимо по мелочам истратятся: главное же неудобство заключается в притеснениях книгопродавцев и в их крайней неверности в платежах денег, прибавить к этому надобно то, что я стою на пороге² семидесяти лет и что меня несказанно тревожит мысль, что я теперь слепну, а скоро, может быть, вовсе слепой оставлю детям и жене не капитал, а только одни хлопоты собирать его по копейкам. Согласитесь, Ваше Высочество, что в этих тревогах нет ничего корыстного и что я могу питать надежду, что Государь, не даруя мне ничего, кроме одного милостивого участия, благоволит вывести меня из тяжелого затруднения, присвоив издание моих сочинений, плод литературных трудов всей моей прошлой жизни. Этим присвоением казна ничего не утратит и ничего мне не пожертвует: в ее руки экземпляры сойдут верно, и книгопродавцы ее притеснить не могут, а я разом *упрочу весь мой* капитал, и достояние моего семейства сохранится ему без ущерба. В этом новом объяснении я повторяю то, что уже сказал в моем последнем письме: простите милостиво это докучное повторение: мне необходимо, чтобы Вы знали истинные побудительные причины мои и чтобы я в Вашем мнении всегда был чист, как день. – Я имел еще поговорить с Вами об одном самом важном для меня предмете – о моем сыне³. Но отлагаю это до другого времени. Писать более не могу, больно. Только теперь, по прошествии четырех месяцев, начинает уменьшаться воспаление глаза: но подагрическая материя сидит еще на занятом ею месте, и нет возможности ни выходить на свет, ни заниматься никакой работою. Думаю, что так пройдет вся зима моя.

Простите. Благослови Вас Бог. Целую вашу руку.

28 Окт<ября> / 9 Нояб<ря> 1851. Баден.

Жуковский

Автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 383–387 об. Написано карандашом с помощью специальной машинки.

Публикуется впервые.

¹ Имеется в виду письмо Плетнева от 15 (27) октября 1851 г. (*Сочинения и переписка П.А. Плетнева*. СПб., 1885. Т. 3. С. 706–708).

² Далее зачеркнуто: старости.

³ Павел Васильевич Жуковский (1845–1912), см. следующее письмо с планами его воспитания.

13

28 ноября (10 декабря) 1851 г.
Баден-Баден

Тому несколько дней, как я получил от Плетнева уведомление, что Государь Император по ходатайству Вашего Императорского Высочества соизволил согласиться на исполнение моей просьбы, а вчера получил я и от министра просвещения¹ официальное письмо, в котором уведомляет он меня об окончании моего дела. За успех его я должен благодарить Ваше Императорское Высочество: такое скорое его окончание доказывает, с каким живым участием ходатайствовали Вы о нем перед всемилостивейшим Государем, к стопам которого полагаю мою глубочайшую благодарность; не могу выразить Вам, как меня радует такая теплота души Вашей и как меня трогает такая Ваша ко мне милость. С другой стороны, моя подозрительная натура берет свое: Вы молчите, и это молчание меня тревожит. Что оно значит? Уж не изыскнете ли Вы невыгодным для меня образом моей просьбы, столь милостиво исполненной Государем? Не называете ли Вы моей тревожной заботливости о будущем моего семейства недоверчивостию к Промыслу? Нет, эта заботливость есть самое естественное следствие старости; на пороге семидесяти лет я не только не могу не думать, но я *должен* думать о том, что будет после меня с моим семейством и что ему останется? С этою заботливостию может быть весьма тесно соединена надежда на пособие свыше и спокойная преданность в Волю Божию. Я признаюсь, что в последний месяц, когда я был лишен света и угрожаем полную слепоту

тою, мысли мои иногда принимали цвет моей болезни и на меня находила грусть, что, может быть, скоро моя жена и мои дети меня потеряют. В эти минуты пришло мне в голову послать мою просьбу к Государю: ее исполнение теперь поможет моей ничтожной фортуне спастись от совершенного кораблекрушения.

И теперь, чтобы все привести в ясность, прошу у Вашего Высочества позволения один раз навсегда представить Вам обозрение этой ничтожной фортуны и сообщить Вам мои смиренные желания и надежды на будущее.хлопотать о себе и просить для себя весьма затруднительно: но за меня просить некому: к счастью, говоря с Вами, могу говорить без оглядки. Итак, не поскучайте прочесть со вниманием любви то, что пишу к Вам в теперешнем моем письме. Примите его как завещание отца семейства, который, может быть, скоро должен сойти со сцены, который уже не будет в состоянии много сделать для *своих* и должен быть убежден, что они во всяком случае осуждены после его смерти на бедность; и что, наконец, его желания и надежды должны ограничиваться только тем, чтобы эта бедность не была нищета и печальная зависимость от помощи чужой. Итак, к делу. В чем состоит моя теперешняя *собственная* фортуна? Во-первых, в 18.000 р<ублей> с<еребром> капитала, который по уплате лежащего на мне долга обратится в одну тысячу. Во-вторых, в *аренде* (в 3000 сер<ебром>), все милостивейше пожалованной мне по смерти и на 24 года. С этой арендой случилось нечто весьма забавное. Перед моим отъездом с Вашим Высочеством за границу в 1838 году² я продал эту аренду в казну на 12 лет; чтобы доказать Вашему Высочеству, что я к деньгам не жаден, прилагаю здесь расчет (присланный мне на сих днях моим поверенным: приложение А) о том, куда пошла сумма, вырученная за продажу аренды. Но вот что забавно: передав аренду только на 12 лет, я по какому-то страшному затмению памяти остался убежден, что я ее продал на все 24 года и что у меня нет аренды; и в этом мнении я остался до сих пор и только тогда узнал от моего поверенного³, что с будущего года начну снова получать мой арендный доход (3000 р<ублей> с<еребром>), когда уже моя просьба о продаже моих книг была отправлена к Вашему Высочеству. Если бы я знал о существовании этого арендного дохода, я, вероятно, не считал бы необходимым просить о продаже книг, но видя, что собственного имущества после моей смерти должно остаться не более тысячи р<ублей> с<еребром>

и в то же время имея в 4000 экземпляров моих сочинений 40.000 р<ублей> с<еребром> капитала, который, однако, не мог иначе скопить, как в продолжении времени и по частям, я решился уступить 20 процентов, то есть пятую часть капитала, казне, дабы получить вдруг остальное. И теперь по продаже издания за 33000 р<ублей> и аренды, вероятно, за 20.000 р<ублей> с<еребром> я сделался вдруг обладателем 53.000 р.<ублей> с.<еребром>, которые, если положить их лет на десять в банк для наращения, могут составить 75000 р<ублей> с<еребром> капитала или 3000 р<ублей> с<еребром> дохода.

Благодаря отеческой щедрости Государя Императора я имею по смерти хороший достаток, который может мне дать средство хорошо воспитать моих детей (если Бог позволит прожить еще несколько лет), ограничив себя самою умеренною жизнью и не касаясь до процентов с капитала. Пока я жив, я и мое семейство имеем безбедное, вполне удовлетворяющее нас состояние. Но что может остаться из получаемого мною казенного содержания моему семейству, когда меня не будет? Было бы безрассудно и даже несправедливо с моей стороны желать, чтобы им оставлено было *все*: я бы счел себя счастливым, когда бы одна *третья часть* получаемого мною теперь содержания была упрочена жене моей и моим детям по смерти их. Тогда бы с теми процентами, которые они могли бы получать с моего *собственного* капитала и которыми одними было бы нельзя жить без тяжелой нужды, имели бы дохода ровно столько, сколько нужно, дабы иметь одно *чисто необходимое*.

В 1826 году, когда, отъезжая по болезни за границу, я пришел проститься с Государем Императором, Его Величество спросил у меня о Карамзине, который тогда был при смерти⁴. Я отвечал Государю: Вы приготовили фрегат для отправления Карамзина в Южную Францию – ему туда не ехать; сделайте лучше: упокойте и утешьте последние дни его жизни, обеспечив судьбу его семейства и дав ему знать об этом; это не спасет его жизни, но даст ему тихую и радостную смерть. Государь даровал мне несказанное счастье, поручив мне написать рескрипт Карамзину. Что он для него сделал, Вам известно: душа Карамзина была тиха и весела до его последней минуты. Я не Карамзин, и Вы поверите моей искренности, когда скажу Вам, что не имею и в мыслях с ним равняться. Да мне еще и не нужен фрегат для отплытия в Южную Францию: напротив, я надеюсь

доехать сухим путем до России и, может быть, милосердие Божие даст мне еще несколько лет пожить для пользы отечества и семьи моей. Но, как говорит пословица, *смерть не за горами, а за плечами*, и вот Вам мое завещание: если услышите, что смерть стучится в мои двери, то потешьте меня доброю вестью об обеспечении судьбы моего семейства.

Теперь буду говорить о другом предмете, не менее для меня важном – о моем сыне. Вы когда-то сказали мне милое, трогательное слово: *наши сыновья будут расти, учиться и играть вместе*⁵. Сколько милости и любви ко мне и сколько счастья для моего сына заключается в этих немногих словах! И как горячо за них благодарит Вас мое сердце! Но, как бы ни велико было счастье моему сыну от исполнения этих милых слов, я не могу его желать ему: он должен провести свое младенчество под семейною кровлею; нет ничего образовательнее семейной жизни в первые наши годы; недостатка ее ничто заменить не может, и я обязан сохранить это сокровище моему сыну: я не имею права отказаться от обязанности и от счастья заботиться о первом образовании ума и души его – Вашему отеческому сердцу будет это понятно. Мой Павел – добрый мальчик; у него будет честная душа и здоровый ум, и он не без дарований. Я нахожу в нем много сходства со мною: поэтому должен предполагать, что в нем есть зародыши тех многих недостатков, которые жизнь развила во мне и которым, опираясь на собственном опыте, я могу по возможности не дать развиться в нем, пользуясь тишиною домашнего образования, которым я уже и начал заниматься сам, следуя методе, и Вам отчасти известной. Приготовление к этому делу занимало меня всю прошлую зиму; я наработал довольно, но это одни только начатки. И теперь все остановилось от болезни моего глаза – и приготовление и преподавание; пять месяцев исчезли даром, ничто вперед не подвинулось – позволит ли Бог воспользоваться остатком зимы – Его воля; глазу немного лучше, но все еще не смею употреблять его. Когда кончится домашнее учение, сын перейдет в высшее публичное заведение. Цель этого воспитания будет та, чтобы, *во-первых*, образовался в нем честный здоровый умом и сердцем человек или (что все равно) истинный христианин, просвещенный всеми знаниями, которые в наше время необходимы всякому, но которые должны быть подчинены высшему откровенному знанию – *вере*, все освящающей и всему истинный смысл дающей,

чтобы, *во-вторых*, (если Вы позволите мне иметь для моего сына этот идеал его будущего назначения) образовался в нем человек, имеющий некогда исключительно принадлежать Вашему сыну, как его доверенный секретарь по делам не военным. Для этого необходимо нужно, чтобы он в продолжении своего образования особенно занялся изучением России во всех частях ее и чтобы по окончании учения несколько лет употребил на ее обозрение и на взгляд на Европу. Приготовленный таким образом к своему месту, он представился бы на суд Ваш, и тогда бы Вы решили, достоин ли он того назначения, к которому (если Вы на то дадите право) будет отныне его готовить его отец, верный своему полученному им от царя девизу, верность которому должна перейти в наследство и к его сыну. Согласитесь ли Вы утвердить этот план мой? В нем заключается и вся моя деятельность в настоящем, и все мои надежды на будущее. Для себя лично я не могу ничего желать, кроме, разве, нескольких лет безболезненной жизни для пользы детей моих – это в руке Божией: одно у меня беспрестанно в мыслях и в сердце, устроить, чтобы семейство мое не терпело нужды (о богатстве для него я не помышляю) после моей смерти и чтобы сын мой сделал честь моему имени как христианин, как русский и как верный слуга царю своему.

Теперь я кончил – простите мне это длинное письмо: оно жестоко утомило больной глаз мой, но я должен был написать его. Теперь Вы знаете вполне, *что* у меня есть и *что после меня* будет необходимо сделать для моего семейства (прилагаю здесь для легкости обозрения общую таблицу моего блистательного имущества). Конечно, было несказанным для меня счастьем и моя душа успокоилась бы совершенно на все остальные *годы* или *дни* моей жизни, когда бы я *теперь же* мог знать, что это *необходимое уже дано* моему семейству милостию царскою, в этом *знании* была бы бездна покоя душевного и даже здоровья телесного: все бы тревоги от меня отлетели, и с какой полнотою мог бы я предаваться ежедневному труду моему! Но такое счастье было бы *роскошью*, и я не позволяю себе желать его, кладу его в руку моего Государя и на Ваше любящее меня благостное сердце, и паче всего на Волю Божию.

Простите. Порадуйте меня несколькими строками ответа на это письмо.

Окажите мне милость изъяснить перед Его Императорским Величеством мою глубочайшую благодарность за его новое монаршее благотворение.

18 (так!) Ноября / 10 Декабря 1851.

Баден.

Жуковский

Автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 388–402 об. Написано карандашом с помощью специальной машинки.

Публикуется впервые.

¹ Князь Платон Александрович Ширинский-Шихматов (1790–1855), с 1850 г. министр просвещения.

² Заграничное путешествие 1838–1839 гг. было частью, завершающей образование великого князя.

³ Имеется в виду Ростислав Родионович Родионов (1800–1872), старший чиновник Собственной канцелярии императрицы Александры Федоровны, душеприказчик Жуковского. См. о нем: *Янушкевич А.С. Письма В.А. Жуковского к Р.Р. Родионову: опыт предварительного описания* // Соп атоге: Историко-филологический сборник в честь Л.Н. Киселевой. М., 2010. С. 618–640. О ситуации с арендой Жуковский писал Родионову 5 (17) – 7 (19) ноября 1851 г. (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 132. Л. 18–24).

⁴ Жуковский встретился с Карамзиным 10 мая 1826 г., накануне отъезда за границу для лечения. Большой Карамзин для излечения искал перемены обстановки и хлопотал о месте посланника в Италии, на что получил согласие, однако выехать не успел. Он умер 22 мая. Незадолго до смерти по подготовленному Жуковским и поданному императору 9 мая проекту Карамзину назначена была пенсия в 50 тыс. руб. в год с тем, чтобы после смерти она перешла его семье (см.: *Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина. М., 1866. Т. 2. С. 494. Здесь же приведен и соответствующий указ министра финансов от 13 мая 1826 г.*)

⁵ Вскоре после рождения Павла Васильевича Жуковского 1 (13) января 1845 г. на свет 16 февраля (10 марта) 1845 г. появился второй сын великого князя Александр Александрович, впоследствии император Александр III, что, в перспективе планируемого воз-

вращения Жуковских в Россию, вызвало к жизни план совместного обучения и воспитания детей, от которого поэт должен был отказаться.

14

3 (15) декабря 1851 г.
Баден-Баден

Сию минуту получил письмо Вашего Императорского Высочества и спешу принести Вам благодарность моего любящего Вас сердца за ту радость, которую оно принесло мне. Теперь все мои тревоги успокоились, и этот покой тем для меня драгоценнее, что он мне дан Вами: что мне необходимо в *настоящем*, Вы сделали, что могло меня тревожить в *будущем*, то Вы знаете: оно вверено Вашему сердцу и Промыслу Божию. Мне теперь остается спокойно употреблять в пользу, так, как Бог велит, каждую Им даруемую мне минуту последних дней моих; сколько их еще сочтется, не знаю. Но, по возможности, буду стараться, чтобы они прошли не даром. Еще раз благодарю Вас за этот мне данный Вами покой. Когда-то приведет мне Бог выразить эту благодарность перед Вами лично! Заочно целую Ваши милые руки и молю Бога, чтобы послал всем все свои благословения с Вашим семейством. Жена приносит всем глубочайшую благодарность за милостивое о ней воспоминание.

Жуковский
3 / 15 Декабря 1851.
Баден-Баден.

Автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 403–404. Написано карандашом с помощью специальной машинки.

Публикуется впервые.

15

1 (13) января 1852 г.
Баден-Баден

Приношу Вашему Императорскому Высочеству и Государыне Великой Княгине мое усердное поздравление с новым годом и с завтрашним Вашим семейным праздником¹. Прошу Ваше Высочество,

по Вашему милостивому обыкновению, быть в сем случае выразителем чувств моих перед Их Императорскими Величествами: *Боже Царя храни*, есть моя молитва, общая со всеми русскими и теперь мне усвоенная в наследственное достояние моего начинающегося поколения². И у меня нынче семейственный праздник, в котором живее обыкновенного я, и жена, и дети вспомним об Вас и об Вашей к нам милости: нынче день рождения моего сына, Вашего крестника³. Поверяя судьбу его Провидению Божию, в то же время предаю его и Вашему благодному покровительству. Пока я жив, моя главная забота будет состоять в том, чтобы делать его достойным счастья некогда принадлежать Вам и Вашему семейству... но долго ли продолжится мое с ним товарищество? Ни слова более об этом: всякая минута нашей жизни есть представитель Вышней воли, над нами совершающейся к добру нашему, я ничего другого для себя не желаю для остающейся мне жизни, как только того, чтобы этому убеждению разума более и более соответствовало каждое движение сердца и каждое действие воли.

О себе должен сказать Вашему Императорскому Высочеству, что мой глаз все еще не пришел в порядок; и вот что говорит Гугерт: теперь, пока длится зима, должно употреблять пальятивы, дабы ослабить овладевшую глазом подагрическую материю; но к половине марта, когда сделается теплее, начнется радикальное лечение, которое может продолжиться до половины июня. Таков план Гугерта; я не говорю ни да, ни нет, потому что уже не хочу делать никаких планов: ни один из сделанных прежде не был исполнен. Теперь, по крайней мере, то хорошо, что, благодаря Лудвигу Наполеону⁴, можно остаться в Бадене с большею безопасностью: если бы он не сломил шею *красному страшилищу*, то, вероятно, Франция в нынешнем году опять бы разлила свою лаву на Германию и первые волны этой лавы пролились бы на ту область, к которой приковала меня болезнь, из которой все элементы, составляющие твердость и благоденствие государств, выедены тлетворным духом нашего времени. Этот Наполеон, энергический племянник гениального дяди и дерзкий наследник его имени, магически звучащего славою, этот Наполеон – еще загадка. Что он? Одаренный ли, или не имеющий никакого другого дарования, кроме решительности, которой помогли нечаянные обстоятельства его времени, подобные тем, которые помогли некогда и его дяде? Но этот дядя появился посреди хаоса

Франции от подошвы пирамид с ариергардом славных побед⁵; а племяннику служат ариергардом две безумные попытки на трон, приведшие его в тюрьму и сделавшие его посмешищем Франции. Какова же должна быть сила обстоятельств, чтобы победить подобные воспоминания и покорить Францию новому ее повелителю. Надобно, однако, отдать и ему справедливость: он угадал то, чего требовала настоящая минута, решился быстро и мужественно исполнить то, на что решился. Теперь вопрос: что у него таится в душе? Он вдруг вихрем обстоятельств взброшен на чудную высоту – доволен ли он силен, чтобы победить неизбежное кружение головы? Довольно ли зорки глаза его, чтобы обхватить весь горизонт, развивающийся перед ним с этой высоты? Если он просто пошлый честолюбец, то, опрокинув силою штыков один беспорядок, он приготовит другой, может быть более гибельный: неправда побеждается только правдою. Чтобы упрочить свой успех и обратить его в прочное общее благо, он должен искренно отказаться от всякого эгоизма и искренно признать себя рабом Всевышней власти, и в этом случае не быть подражателем своего дядюшки, который не постиг великой судьбы своей и вместо Бога, руководителя в великой цели, выдумал себе какую-то звезду, безжизненную представительницу древнего фатума. Когда пришла весть о происшествии 20-го декабря и о его удаче⁶, нельзя было не почувствовать презрения к этой Франции, в которой в продолжение 60 лет судьба всего народа ставится на карту и где при каждом выпаде карты более и более разрушается все драгоценнейшее для человечества: вера в Бога и в его правду, святыня верховной власти, свобода гражданская, с нею неразлучная, и только утверждается необузданность развратного эгоизма. Но меня тронуло описание Тедеума в Notre Dame⁷. В сторону французскую хвастливость, выразившуюся в украшениях церкви, и все обезьянство, без которого француз в самые роковые минуты обойтись не может, – в этом торжественном обряде было ощутительно какое-то глубоко истинное *торжество над злом*, грозившим обществу погибелью, и *благодарность* к тому, кто осмелился взять на себя ответственность и опасность такой победы. Что ни говори, а Франция спасена, по крайней мере, теперь спасена, а с нею и порядок Германии, ею же недавно нарушенный, весьма плохо восстановленный и, вероятно, снова бы взлетевший на воздух, если бы красное страшилище одержало победу. Повторяю, Наполеону теперь нужна только честность

идти прямой дорогой; не хитри и не плутуй: хитростями никого не обманешь; честным *казаться* нельзя, надобно *быть* честным; тебе поверят, и власть твоя на утесе. Я думаю, что воспоминания о дяде весьма помогут племяннику: ему не нужно будет трудиться выдумывать того, что было уже выдумано дядею; ему нужно только перешить платье, скроенное им (то есть дядею) для Франции по нынешнему ее росту, так чтобы оно было покойною и красивою одеждою, нигде не жало и по швам не рвалось. Для этого нужно, чтобы он, как честный портной, не думал о своем кармане, не крал материи и шил крепкою ниткою на славу. Вступая в колеину дяди, племянник удалится и от дороги, которую провела по Франции первая революция до времен Императорских и от той дороги, которую проложил Людовик XVIII своею бумажною конституциею⁸, произведшею все после нами виденные волнения до настоящей минуты. Прежняя монархия во Франции невозможна; но Франция не может ничего вынести кроме монархии. Монархия Наполеоновская ближе к ее теперешней натуре; если президент республики найдет средство восстановить Императорство согласно с законными требованиями настоящего времени, не забыв о минувшем, о веках истории, которая никогда не может быть вычеркнута из жизни народа, то он кончит революцию; и, силою военной уничтожив абсолютизм демократии, не даст этой силе в свою очередь обратиться в абсолютизм и восстановит чистую монархию, охраняющую все неотъемлемые права свободы гражданской и огражденную от деспотизма *партий*, неизбежного там, где царствует бумажная конституция. Это могло бы исцелить от чумы конституционной и Германию, которая в этом отношении играет роль паяца Франции. Но подождем конца... и поэтому я починаю необходимым кончить это длинное письмо, прося Ваше Высочество простить мне, что я опять загулял в политику.

Пошли Вам Бог на новый год новое благословение. Прошу Вас сохранить мне Вашу драгоценную милость.

Жуковский
Баден-Баден.
1 / 13 Генваря 1852.

Автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 408–413. Рукою камердинера.

Публикуется впервые.

¹ Подразумевается день рождения великого князя Алексея Александровича (1850–1908), четвертого сына цесаревича, 2 (14) января.

² См. выше письмо великому князю от 8 (20) сентября 1851 г.

³ Павел Васильевич Жуковский, крестный сын великого князя, родился 1 (13) января 1845 г.

⁴ Шарль Луи Наполеон Бонапарт (Charles Louis Napoléon Bonaparte, 1808–1873), впоследствии Наполеон III, племянник Наполеона I, после двух неудачных попыток захвата власти (Страсбургский заговор 1836 г. и Булонская высадка 1840 г.), закончившихся тюремным заключением, в ходе революции 1848 г. стал вначале депутатом Национального собрания, а затем президентом Французской республики. 2 декабря 1851 г., в годовщину Аустерлицкой битвы 1805 г., он совершил государственный переворот, распустив Национальное собрание, и через год провозгласил себя императором.

⁵ Наполеон I (1769–1821), одержавший ряд громких побед в ходе осады Тулона, подавления Вандемьерского мятежа, Итальянской кампании и военной экспедиции в Египет, в ноябре 1799 г. совершил государственный переворот, в результате которого стал первым консулом, а затем императором Франции.

⁶ 20–21 декабря 1851 г. во Франции под сильнейшим полицейским давлением прошел плебисцит, санкционировавший государственный переворот, изменение конституции и увеличение президентского срока Луи Наполеона Бонапарта. Его инаугурация прошла в церкви Нотр-Дам.

⁷ Тедеум (лат. «Te Deum laudamus...») – христианский гимн, известный в православном богослужении как «Тебе Бога хвалим...». В западной литургической традиции «Te Deum» поется в конце утрени по воскресеньям и большим праздникам, а также во время процессий, приуроченных к особым случаям (коронация королей и императоров, возведение в сан церковных иерархов и т.п.) По случаю инаугурации Луи Наполеона Бонапарта Виктор Гюго написал резко сатирическое стихотворение «Te Deum 1 января 1852».

⁸ Людовик XVIII (1755–1824), младший брат казненного в ходе революции короля Людовика XVI, после Реставрации стал королем Франции (1814–1824). Одним из условий реставрации было установление конституционного правления, что было подтверждено Конституционной хартией 1814 г.